УДК 94(571.53)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-4/94-101

А.А. Иванов*

ИРКУТСКАЯ КОЛОНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ И ЕЕ РОЛЬ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

В статье рассмотрены вопросы численности, структуры и социального состава колонии политических ссыльных Иркутска на рубеже XIX-XX вв., выявлены основные виды деятельности и формы участия революционеров в оппозиционном движении. Автор приходит к выводу о том, что ссыльные народники обогатили духовную жизнь иркутян, оказали заметное позитивное влияние на местное общество, способствовали росту его самосознания, гражданственности и политической культуры.

Ключевые слова: политические ссыльные, Иркутск, общественная жизнь, оппозиционное движение

The colony of political exiles in Irkutsk and its role in the city's public life in the late XIXth – early XXth century. ALEKSANDR A. IVANOV (Irkutsk State University)

The article deals with the number, structure and social composition of the colony of political exiles in Irkutsk at the turn of the XIXth and XXth centuries, revealing the main activities and forms of participation of revolutionaries in the opposition movement. The author comes to the conclusion that the exiled narodniks had a significant positive effect on local society, enriching the cultural life of the city and contributing to the growth of its self-awareness, citizenship and political culture.

Keywords: political exile, Irkutsk, public life, opposition movement

Формирование иркутской колонии ссыльных заметно усилилось в 1880-е – 1900-е гг. Как известно, этот период политической истории не принес общественного успокоения, наоборот, противостояние государства и общества значительно усилилось, стало принимать крайние формы. Нелегальные группы «Народной воли», действовавшие во всех крупных городах центральной России, беспрецедентное по своим

масштабам «хождение в народ», массовое увлечение молодежи радикальной революционной теорией, и как итог – убийство Александра II первого марта 1881 г. – все это значительно увеличило «население» тюрем, каторги и ссылки. Если в 1860-е – 1870-е гг. в Иркутской губернии насчитывалось едва ли 30-60 политических ссыльных (без ссыльных поляков – участников Январского 1863 г. восстания), то

* ИВАНОВ Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, политологии и регионоведения исторического факультета Иркутского государственного университета.

E-mail: ottisk@irmail.ru

© Иванов А.А., 2017

в начале 1880-х гг. таковых было уже более 80, на рубеже 1890-х – не менее 100, а на пороге нового XX в. их число выросло до 110-120 человек [3, с. 25].

Как видим, общие цифры ссыльных не выглядят внушительно. Заметное увеличение иркутской колонии стало происходить чуть позже, накануне Русско-японской войны. За пять же последних лет XIX в. в Сибирь в целом было отправлено чуть больше 400 ссыльных [7, с. 136]. С учетом их географической «разбросанности», а также различных сроков прибытия и окончания наказания, следует сделать вывод о том, что политические ссыльные этого периода были еще сравнительно редким явлением.

Наш вывод противоречит сложившимся стереотипам. Однако следует иметь в виду, что вопрос о численности политических ссыльных в Сибири (и в первую очередь это относится к пореформенному периоду) всегда был в советской историографии излишне политизирован. Идеологические соображения здесь заслоняли научную истину и реальную картину. В отечественной исторической науке безгранично господствовала ленинская периодизация революционного движения, согласно которой 1859-1861 гг. были временем первой революционной ситуации в России. А какая революция без репрессий и жертв?! В этом положении и историкам, и публицистам просто необходимо было показывать Сибирь «краем изгнания» и «гигантской тюрьмой без решеток». Отсюда – нереальные, нередко фантастические цифры и количества политических ссыльных. Например, у В.Н. Дворянова читаем: «Царское правительство пулями и штыками подавляло выступления трудящихся. Многих из них сослали в Сибирь на каторгу и в ссылку. Так, за 20 лет, с 1862 по 1881 г., количество ссыльных перевалило за 296 тыс.» [1, с. 93].

Понятно, что в самом Иркутске число ссыльных не могло превышать общегубернских показателей. Однако при этом следует учитывать, что формирование колонии «политиков» в столице региона имело свою заметную специфику. Действительно, собственно ссыльных, отбывающих здесь наказание поселением, было не много. Большая часть колонии составлялась из революционеров, чьи сроки заканчивались и им было разрешено жительство по всей Сибири, или уже закончились, однако они по каким-то причинам решили прочно «осесть» в столице региона. Формально эти ссыльные были уже приписаны к какому-либо сельскому или ме-

щанскому обществу и именовались «крестьяне из ссыльных», однако в действительности находились под постоянным негласным или гласным надзором полиции, оставаясь у жандармов всегда «в сильном подозрении». Именно такие революционеры и составляли подавляющее число иркутских ссыльных, постепенно оседая здесь с 1860-х гг. и значительно увеличивая реальные размеры колонии. С учетом сказанного, определим общее количество иркутских ссыльных в 1880-е гг. в 30-40 человек, и в 100 и чуть более – к 1900 г.

В иркутской ссылке преобладали высланные административно. Однако в 1860-е гг. абсолютное большинство было за сосланными по суду или вышедшими на поселение после отбытия каторги. Затем, после принятия «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г., доля административно-ссыльных резко увеличивается и к 1900 г. достигает здесь 86% от всех ссыльных. Административные не «поражались в правах» и получали, при отсутствии постоянного источника дохода, пособие от казны.

Длительность иркутской ссылки была сравнительно невелика и составляла в среднем 54 месяца или 4,5 года на одного человека. Однако следует иметь в виду, что все революционеры до ссылки подвергались тюремному заключению, которое начиналось на месте «преступления», далее следовали централы, потом этапные тюрьмы и лишь после – «пребывание в предназначенной на то местности под гласным надзором полиции». При этом срок тюремного заключения мог быть различным, но, как правило, всегда продолжительным. Так, например, следствие по делу «пропаганды в империи» (процесс 193-х) заняло три года; Н.Г. Чернышевский в ожидании приговора провел в тюрьме два года; Л.Д. Троцкий – более двух лет, В.И. Ленин – 14 месяцев. Как видим, тюремная изоляция революционера в ожидании суда или административного решения в течение одного-двух лет и более – обычная практика.

Почти половина иркутских ссыльных отбывали основное наказание в отдаленных местах Якутской области и только потом попадали в северные районы губернии. Соседство с крупнейшей каторгой империи – Нерчинской – также диктовало свои особенности: процент бывших каторжан среди «иркутян» никогда не опускался ниже 20. При этом по крайней мере пятеро

революционеров отбывали иркутскую ссылку дважды. Это Е.К. Брешко-Брешковская (1892-1895, 1910-1915), П.Г. Зайчневский (1862-1869, 1890-1895), М.А. Натансон (1879, 1894-1902), С.И. Новаковская (1877, 1885) и Н.С. Тютчев (1878-1890, 1894-1903).

В целом собирательный портрет иркутского ссыльного таков: мужчина, дворянин или разночинец, представитель одной из интеллигентных профессий, имевший высшее или среднее образование, а еще больше – не успевший окончить университет или гимназию, арестованный «за пропаганду» или деятельность, подрывавшую «устой» государственного строя и общественного порядка, закаленный длительным тюремным заключением, каторгой и Якутской ссылкой, живший в Иркутске на казенное пособие или своим трудом, сохранивший активную гражданскую позицию и верность народнической идеологии. Именно эти качества и делали «политика» заметной фигурой в общественной жизни города, а немалый опыт нелегальной работы, полученный в организациях землевольцев или народовольцев центра страны, обеспечивал ведущую роль в оппозиционном движении Иркутска.

С конца XIX в. ссыльные имели в городе несколько общественных центров. Наибольшее количество «политиков» группировалось вокруг «Восточного обозрения». Объединенные потребностью в творчестве, возможностью выразить свое политическое сredo, стремлением быть в курсе местных событий, здесь мирно уживались народники всевозможных оттенков, а позднее – эсеры и социал-демократы. При подготовке к изданию «Забытых иркутских страниц» Е.Д. Петряев выявил имена около 700 авторов, писавших в газету и «Сибирские сборники». По крайней мере каждый четвертый-пятый из этого числа, по нашим подсчетам, был из бывших или настоящих ссыльных, проживавших в это время в Иркутске. Назовем лишь некоторых: М.С. Александров, Е.К. Брешко-Брешковская, М.Р. Гоц, Ф.К. Кон, Л.Б. Красин, М.А. Кроль, В.Е. Мандельберг, Г.А. Мачтет, С.И. Мицкевич, П.Ю. Перкон, Б.О. Пилсудский, Ф.Ю. Рехневский, И.М. Ромм, С.С. Синегуб, И.А. Теодорович, Л.Д. Троцкий, Н.А. Чарушин, С.Л. Чудновский. [11, с. 341-372].

Политические ссыльные не только сотрудничали с «Восточным обозрением» и писали сюда свои статьи, вели рубрики и отправляли из глубинки корреспонденции. И.И. Попов привлекал осужденных революционеров и к

непосредственному редактированию и изготовлению своей газеты. Так, например, ее секретарем с 1898 г. был В.С. Ефремов, отбывавший ранее ссылку в Якутске и Верхотуренске, а затем живший в Иркутске. В 1893-1894 гг. нелегально в типографии «Восточного обозрения» наборщиками работали В.Г. Георгиевский, посланный в Сибирь по процессу 50-ти, и член польского «Пролетариата» В.А. Гловацкий [2, стб. 774, 825].

Политические ссыльные занимали ключевые посты в редакции «Восточного обозрения», в значительной степени определяя направленность газеты. Так, редактором одно время был Д.А. Клеменц; репортерскую часть и переписку с корреспондентами организовывал В.В. Демьяновский; отдел сибирской хроники продолжительное время возглавлял С.Ф. Ковалик, отдел «Хроника русской жизни» на протяжении двух лет вел Е.И. Яковенко. В качестве ведущего обозревателя русской жизни в газете состоял и Ф. Кон. Он же вел раздел «Литературное обозрение», сумев привлечь к работе П.Ф. Якубовича. Отдел иностранной жизни всецело обязан своим существованием Е.И. Яковенко и П.Г. Зайчневскому. Именно благодаря политическим ссыльным «Восточное обозрение» смогло стать подлинным явлением в общественной и культурной жизни Сибири. [6, с. 8-12].

Помимо «Восточного обозрения», часть иркутских «политиков» группировалась вокруг квартиры В.А. Ошуркова, прежнего редактора этой газеты, «убежденного областника». Здесь собирались люди, занимавшиеся «культурной работой», – преподаватели иркутских училищ и гимназий, в основном женщины, а также публика, активно писавшая в газету. «Все эти учительницы, – вспоминал Попов, – были идейный народ, прекрасно вели дело, хорошо поставили воскресные школы, народные чтения, принимали активное участие в общественной жизни Иркутска». Политический ссыльный, активный народник и «якобинец» П.Г. Зайчневский с большой долей сарказма называл квартиру Ошуркова «институт небесных ласточек», а самого хозяина – Флоридором [10, с. 140].

Другими центрами сосредоточения политической ссылки в Иркутске были музей Восточно-Сибирского Русского императорского Географического общества, правление Забайкальской железной дороги, а также иркутская контора купеческой династии Громовых. Так как И.И. Попов, помимо исполнения обязанностей редактора «Восточного обозрения», был

еще и консерватором музея, то у генерал-губернатора А.Д. Горемыкина однажды родилась весьма остроумная шутка, свидетельствующая и о весьма либеральных взаимоотношениях политических ссыльных и властей Иркутска до событий 1905 г.: «Не хватает еще, чтобы А.И. Громова перевела в музей свою контору! Тогда все штаб-квартиры политических соберутся в одном месте!» [9, с. 214].

Бывшие чайковцы, землеvolьцы, чернопердельцы, народовольцы и народоправцы определяли деятельность практически всех общественных организаций Иркутска. Ссыльные, порой бескомпромиссно споря друг с другом по программным вопросам своего движения, жили в городе, как вспоминал И.И. Попов, «дружно» и много сделали для «развития Иркутского общества». Вот некоторые имена наиболее активных «политиков»: Г.З. Андронников, С.И. Борейша, Н.И. Витковский, П.И. Войнаральский, А.В. Геденовский, Н.Л. Геккер, В.С. Голубев, Н.Л. Горинович, П.Г. Зайчневский, С.И. Иваницкий, В.И. Иохельсон, П.И. Кларк, Д.А. Клеменц, С.Ф. Ковалик, И.О. Концевич, И.И. Майнов, С.И. Мартыновский, М.А. и В.И. Натансоны, А.Г. Лури, Д.Г. Любовец, С.А. и Ф.Н. Лянды, М.П. Овчинников, Э.К. Пекарский, А.В. Пихтин, И.И. Попов, В.С. Свитыч-Иллич, П.А. Сикорский, И.М. Соколов, И.Ю. Старынкевич, С.Г. Стахевич, Р.А. Стеблин-Каменский, Я.Ф. Стефанович, Г.М. Фриденсон, М.И. Фундаминский, Б.П. Шостакович, П.Ф. Якубов, С.В. Ястрембский. [9, с. 208-228].

Иркутская колония ссыльных всегда стремилась принципиально реагировать в отношении власти и ее представителей. Большой резонанс, к примеру, имел приезд в город в 1888 г. генерала Русинова с личным поручением, как говорили, царя Александра III. Целью приезда по официальной версии было исследование быта и материального положения ссыльных, размещенных в Иркутске. На самом деле, встречаясь с «политиками», генерал неизменно предлагал им подать прошение на Высочайшее имя, в котором следовало раскаяться в содеянном и попросить о сокращении срока наказания. Иркутская колония закипела от возмущения: ссыльных, писавших письма с просьбой об облегчении своей участи, уничижительно именовали «подаванцами». К таким людям всегда относились с демонстративным презрением, а после 1917 г. землячества Общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев стали выявлять подобных «рево-

люционером» и подвергать показательному товарищескому суду.

Предложение генерала было решительно отвергнуто и по-другому просто не могло быть: сознательно вступив в борьбу с самодержавием, большинство революционеров и в ссылке не изменило своих убеждений. Да и с формальной стороны дела было совершенно непонятно, за что просить прощения у царя, ведь административно-ссылным (а таких в городе было уже большинство), отправленным в Сибирь без суда и следствия, обвинения не предъявлялись, их высылали в основном «в порядке чрезвычайной и усиленной охраны» по Положению 1881 г. Как пишет Попов, миссия генерала потерпела неудачу, и автор не припоминал, «чтобы кто-нибудь подал желательное для генерала прошение». Более того, многие «наговорили Русинову неприятностей, кое-кто обругал его и этим ухудшил свое положение», получив перевод в «гиблые места» [9, с. 122].

Обсуждение политических проблем не только выявляло противоположные мнения на развитие революционного движения в стране, но в большей мере помогало колонии ссыльных вырабатывать общую позицию по принципиальным вопросам местной, иркутской жизни. Одним из таких вопросов стала дискуссия в отношении русского и сибирского крестьянина. Кто из них был более «социалистом»? Поводом к дискуссии стал приезд в Иркутск в 1888 г. двух статистиков – Н.М. Астырева и Л.С. Личкова. Они были приглашены в качестве исследователей населения региона. Статистикам требовались «свежие силы», в качестве которых стали приглашать на службу и ссыльных. Вот тут-то и возник, по всей видимости, никогда не прекращавшийся, всегда «тлеющий» спор о крестьянине.

Колония быстро разделилась на два лагеря. Один объединился вокруг Н.М. Ядринцева, полагавшего, что сибирский крестьянин по природе своей свободолюбив и независим, а значит, практически готовый социалист. Другие примкнули к Н.М. Астыреву, считавшему сибиряка большим эгоистом, живущим исключительно для собственного блага, нещадно эксплуатирующим у себя уголовного поселщика и более бедного односельчанина. По всей видимости, Н.М. Астырев остался при своих взглядах и в книге «На таёжных прогалинах» все-таки отдал предпочтение «русскому мужику перед сибирским». И Н.М. Ядринцев также не изменил своего отношения к крестьяни-

ну-сибиряку, стараясь замечать в нем только хорошие качества. И.И. Попов не принимал участия в дискуссии, категорично посчитав «такие споры бесцельной тратой времени». Может быть, Попов уже тогда, в конце 1880-х гг., осознал, что зажиточный и материально независимый, никогда не знавший крепостного гнета сибирский крестьянин был похож скорее на североамериканского фермера – потому и не воспринимал никакой социалистической пропаганды [10, с. 123].

В мае 1895 г. в Иркутск прибыл для прохождения административной ссылки Л.Б. Красин. Его приезд значительно расширил дискуссии ссыльных. На первое место в них выдвинулся вопрос о судьбе капитализма в России и Сибири. В принципе, он был уже решен как самой практикой – страна стремительно и необратимо двигалась по капиталистическому пути, так и теорией – революционерам в европейской части страны были хорошо известны работы Г.В. Плеханова «Социализм и политическая борьба» (1883) и «Наши разногласия» (1884), в которых автор убедительно доказал, что господство капиталистических отношений в сфере промышленного и сельскохозяйственного производства России – дело недалекого будущего.

Как вспоминал Красин, в Иркутске он был первым социал-демократом «среди почти сотни ссыльных народовольцев и народников, включая таких родоначальников русского революционного движения, как Марк Натансон, Любовец и Сергей Ковалик...». При этом он отмечает: «Теоретические споры ... доходили до величайшей страстности, но это не мешало всей ссылке относиться ко мне, как к Вениамину [Вениамин – старший брат Л.Б. Красина. – прим. авт.], и личные дружеские отношения из этой эпохи у меня сохранились на всю жизнь. Ни раньше, ни после я никогда не видел собрания в одном месте таких благороднейших, чистейших революционных борцов...» [5, с. 12].

В конечном итоге вопрос о развитии капитализма в Сибири был вынесен на страницы «Восточного обозрения». Иркутские народники не хотели замечать очевидного. Многим из них, в том числе и И.И. Попову, казалось, что Сибирь обойдут стороной «капиталистические бури», что «дружная работа правительства и общества будет направлять эволюцию народного хозяйства в сторону второго пути и спасет Сибирь от стремительного потопа развития капиталистических форм». «Перепутья, на котором будто бы стоит теперь Сибирь, – парировал Красин, –

в действительности не существует. ... Товарное производство и капитализм торжествуют в Сибири по всей линии, и в ближайшем будущем нет никаких реальных сил, которые могли бы задержать это торжество».

Иркутская ссылка жила не только спорами и дискуссиями. Отношения с властями нередко обострялись и принимали характер открытого противостояния. Так случилось, например, в 1889 г. В марте этого года в Якутске скопилось большое количество политических ссыльных, ждавших окончания распутицы и отправки по местам причисления в отдаленные районы области. Внезапно якутский вице-губернатор П.П. Осташкин издал предписание о немедленном отъезде ссыльных из города. При этом «политикам» практически не дали возможности подготовиться к трудной дороге и закупить провизию. Возмущенные произволом властей, ссыльные подали коллективное прошение. Местный полицмейстер 22 марта собрал более тридцати ссыльных в доме якута Монастырёва и попытался арестовать наиболее инициативных организаторов прошения. Ссыльные оказали вооруженное сопротивление, в ответ на которое солдаты военной команды применили оружие, при этом шесть человек были убиты, семь ранены, а против «зачинщиков» возбуждено судебное разбирательство.

О «Якутской бойне», так эти события вошли в историю, Осташкин вынужден был телеграфно доложить генерал-губернатору графу А.П. Игнатьеву. Из его канцелярии, по всей видимости, текст доклада стал известен «политикам» Иркутска. Иркутяне хорошо знали якутскую колонию: прежде чем оказаться на юге Восточной Сибири, многие из них отбывали многолетнее наказание в «Якутке», а затем не переставали поддерживать тесные письменные связи с оставшимися там товарищами. Вот почему известие о трагедии буквально всколыхнуло весь город. После обсуждения возможных мер помощи оставшимся в живых ссыльным было принято решение как можно быстрее, подробнее и шире рассказать всему миру правду о трагедии и ее подлинных виновниках.

С этой целью иркутские ссыльные решили использовать поездку И.И. Попова в Париж на Всемирную выставку – он должен был встретиться с русскими политическими эмигрантами и передать материалы для французской и английской прессы. А чтобы на границе с Поповым не случилось каких-либо неприятностей, ссыльные решили, что Иван Иванович

заучит документы наизусть и привезет их «в своей голове».

И.И. Попов благополучно добрался до Парижа, где ему удалось увидеться с самим П.Л. Лавровым. Как вспоминал Попов, он «подробно рассказал П.Л. об Якутской истории, передал на память документы, с которыми познакомился в Иркутске, а также просьбу Натансона и других поднять агитацию для того, чтобы предупредить казнь, если суд приговорит мартовцев к казни». Петр Лаврович «все записывал», обещал, что обязательно «напишет во французские газеты, а может быть и в английские, и передаст депутатам» [10, с. 153].

Статьи о расстреле ссыльных в Якутске действительно вызвали широкий общественный резонанс в России и за рубежом. В числе протестовавших были, к примеру, и политические Балаганска В.П. Кранихфельд, Э.Л. Улановская, Н.А. Ожигов, П.А. Грабовский, С.Е. Новакоская и Вл. Иванов, составившие «Заявление русскому правительству» и отправившие его в Министерство внутренних дел. «Цель нашего заявления, – говорилось в документе, – выразить открыто всю ту степень презрения и негодования, которую порождает в нас эта бесчеловечная расправа, эта система обращения ссылок в акт грубой мести, и представить ее на суд русского общества...» [4, с. 185-187].

Выступление балаганских ссыльных имело также большой общественный резонанс. «Заявление...» перепечатали зарубежные издания, а в России текст письма расходился гектографированным путем. Однако ни это заявление, ни протесты и поддержка мировой общественности не помогли: в августе 1889 г. состоялся суд, по результатам которого трое активных участников выступления якутских ссыльных А.Л. Гаусман, Н.Л. Зотов и Л.М. Коган-Бернштейн были повешены.

Репрессии обрушились и на балаганцев: В.П. Кранихфельд, заканчивавший свой четырехлетний срок, получил вторую ссылку и был отправлен вместе с Э.Л. Улановской на 11 лет в Якутскую область, затем в течение еще 5 лет отбывал наказание в Бодайбо; С.И. Новакоская была присуждена к каторжным работам и ссылке в Якутск, где и оставалась безвыездно вплоть до 1927 г.; там же отбывал ссылку Н.А. Ожигов; П.А. Грабовский вернулся из якутской ссылки в Балаганск лишь в 1897 г., и занимался здесь изучением быта местных жителей; Вл. Иванов умер от чахотки в ноябре 1891 г. в иркутской тюремной больнице. [4, с. 189-190].

В конце XIX – начале XX вв. рост революционного и рабочего движения в стране не мог не привести и к значительному увеличению числа каторжан, поселенцев и административно-ссыльных, в том числе и в Иркутской губернии. Если на 1 мая 1899 г. здесь фиксировалось чуть больше ста политических ссыльных, то уже в 1903 г. – более 270, а на 1 января 1904 г. – не менее 320. Соответственно, столь же быстро увеличивалась и иркутская городская колония (Государственный архив Иркутской области, далее – ГАИО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 34. Л. 29-195; Д. 56. Л. 13).

Рост численности иркутской ссылки сопровождался и глубочайшими качественными изменениями. На рубеже веков народническая колония становится иной, все больше и больше размытая представителями других партий и течений. Дворянская молодежь уступает здесь первенство разночинцам и выходцам из пролетарских рядов, на смену интеллигенту приходит рабочий. Этот процесс для старого народничества проходил весьма болезненно, что хорошо передано Л.Д. Бронштейном (Троцким). Приехав в город в 1902 г., он при первом знакомстве с четой Натансонов, был «очень обласкан». Однако их товарищеские отношения быстро закончились. «Принципиальные споры приняли сразу чрезвычайную остроту и каким-то острым клином врезались в мои отношения с Натансоном», – вспоминал позднее об этом Троцкий [13, с. 93].

«Принципиальные споры» шли вокруг новой, пролетарской ссылки. В ее появлении «старые» народники, жившие в Иркутске, видели «крах всего революционного движения». «Рабочие стали составлять все больший и больший процент политиков, и, наконец, оставили далеко за флангом революционного интеллигента, который со старого времени привык считать Петропавловскую крепость, Кресты и Колымск своей монопольной наследственной собственностью, чем-то вроде майората. Мне еще приходилось встречать в 1900-1902 годах народовольцев и народоуправцев, которые почти обиженно пожимали плечами, глядя на арестантские паузки, нагруженные виленскими трубочистами или минскими заготовщиками», – так писал Л.Д. Троцкий об этом времени позднее [12, с. 33].

Политические ссыльные «новой волны», среди которых все заметнее становились лидеры рабочих организаций и социал-демократы, в меньшей степени владели творческими профес-

сиями и не внесли столь существенный вклад в развитие «общественности», науки и культуры Иркутска, как их предшественники-народники. Однако эти ссыльные заметно ускорили вовлечение иркутского общества в радикальное оппозиционное движение против самодержавного государства. Они принесли учащейся молодежи и рабочим Иркутска идеи марксизма, возглавив здесь абсолютное большинство конспиративных кружков, а местное социал-демократическое и эсеровское движения приобрели в лице «политиков» профессиональных руководителей и пропагандистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дворянов В.Н. В Сибирской дальней стороне... (Очерки истории царской каторги и ссылки. 60-е годы XVIII в. – 1917 г.). Минск: Наука и техника, 1971.
2. Деятели революционного движения в России: биобиблиографический словарь. Т. III. Вып. 2. М.: ВООПКиС, 1934.
3. Иванов А.А. Словарь «Деятели революционного движения в России» как источник по истории политической ссылки (на примере Иркутской губернии) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2013. № 2 (5). С. 24-38.
4. Кантор Р. Памяти Вик. Павл. Кранихфельда (к истории Якутской драмы 1889 года) // Каторга и ссылка. 1922. № 4. С. 185-187.
5. Красин Л.Б. (Никитич). Дела давно минувших дней. М.-Л.: Молодая гвардия, 1930.
6. Круссер Р.Г. Политическая ссылка и «Восточное обозрение», 80-е – начало 90-х гг. XIX в. // Из истории общественно-политической жизни Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. С. 3-17.
7. Мещерский А.П. Особенности, партийный состав политической ссылки в Сибири в конце XIX – начале XX века // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. I. Иркутск: РИО ИГУ, 1973. С. 125-144.
8. Мещерский А.П., Щербakov Н.Н. В.И. Ленин и политическая ссылка в Сибири (конец XIX – 1917 г.). Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975.
9. Попов И.И. Минувшее и пережитое (воспоминания за 50 лет). Ч. 2: Сибирь и эмиграция. Л.: Колос, 1924.
10. Попов И.И. Минувшее и пережитое. Из воспоминаний. М.-Л.: Academia, 1933.
11. Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989.
12. Троцкий Н. Туда и обратно. СПб.: Шиповник, 1907.
13. Троцкий Л.Д. Воспоминания о моей первой сибирской ссылке // Каторга и ссылка. 1923. № 5. С. 91-95.

REFERENCES

1. Dvorianov, V.N., 1971. V Sibirskoi dal'nei storone... (Ocherki istorii tsarskoi katorgi i ssylki (60-e gody XVIII v. – 1917 g.). [In the Siberian distant land... (Historical sketches of imperial penal servitude and exile (1760s – 1917)]. Minsk: Nauka i tekhnika. (in Russ.)
2. Teodorovich, I.A. ed., 1934. Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii: bibliograficheskii slovar' [The figures of the Russian revolutionary movement: bibliographic dictionary]. T. III. Vyp. 2. Moskva: VOPKiS. (in Russ.)
3. Ivanov, A.A., 2013. Slovar' «Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii» kak istochnik po istorii politicheskoi ssylki (na primere Irkutskoi gubernii) [«The figures of the Russian revolutionary movement» dictionary as a source on the history of political exile (the case of Irkutsk province)], Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya», no. 2 (5), pp. 24-38. (in Russ.)
4. Kantor, R., 1924. Pamyati Vik. Pavl. Kranikhfel'da (K istorii Yakutskoi dramy 1889 goda) [In memory of Vick. Pavl. Kranikhsfeld (towards the history of the Yakut drama of 1889)], Katorga i ssylka, no. 4, pp. 185-187. (in Russ.)
5. Krasin, L.B., 1930. (Nikitich). Dela davno minuvshikh dnei [A matter of days long past]. Moskva-Leningrad: Molodaya gvardiya. (in Russ.)
6. Krusser, R.G., 1981. Politicheskaya ssylka i «Vostochnoe obozrenie», 80-e – nachalo 90-kh godov XIX v. [Political exile and "East review", 1880s – the beginning of 1890s]. In: Iz istorii obshchestvenno-politicheskoi zhizni Sibiri. Tomsk: Izd-vo TGU, pp. 3-17. (in Russ.)
7. Meshcherskiy, A.P., 1973. Osobennosti, partiinyy sostav politicheskoi ssylki v Sibiri v kontse XIX – nachale XX veka [Features, party structure of political exile in Siberia in the late XIXth – early XXth century]. In: Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri (XIX v. – fevral' 1917 g.). Vyp. I. Irkutsk: RIO IGY, pp. 125-144. (in Russ.)
8. Meshcherskiy, A.P. and Shcherbakov, N.N., 1975. V.I. Lenin i politicheskaya ssylka v Sibiri (konets XIX – 1917 g.) [V.I. Lenin and political exile in Siberia (the end of XIXth century – 1917)]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo. (in Russ.)

9. Popov, I.I., 1924. Minuvshee i perezhitoe (vospominaniya za 50 let). Ch. 2: Sibir' i emigratsiya [The past and experience (memoirs of 50 years). Part 2. Siber and emigration]. Leningrad: Kolos. (in Russ.).

10. Popov, I.I., 1933. Minuvshee i perezhitoe. Iz vospominanii [The past and experience. From memoirs]. Moskva-Leningrad: Akademia. (in Russ.)

11. Popov, I.I., 1989. Zabytye irkutskie stranitsy: Zapiski redaktora [The forgotten Irkutsk pages: editor's notes]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo. (in Russ.)

12. Trotskii, N., 1907. Tuda i obratno [There and back]. Sankt-Peterburg: Shipovnik. (in Russ.)

13. Trotskii, L.D., 1923. Vospominaniya o moei pervoi sibirskoi ssylke [The memories of my first Siberian exile], Katorga i ssylka, no. 5, pp. 91-95. (in Russ.)